

Клочки памяти

Рикардо Агирре

Уйдя с площадки, на которой остались Фокс и Тереза, Рикардо направился вниз по улице. Он шел бесцельно и не особо обращая внимание, куда идет. Этой дорогой он ходил очень часто. Последний раз - вечером за два дня до аварии. Они шли с Джулией. Он - высокий статный мужчина в черном пальто и сером шарфе из кашемира, выглядывающем из-под пальто, брюках и черных лакированных ботинках. Под пальто была сарая рубашка и пиджак. Джулия была одета в теплое платье, сапоги на небольшом каблуке и красную шубку из искусственного меха. На голове был красный берет. Темные кудрявые волосы рассыпались по спине. Она улыбалась.

Теперь Джулия лежит в больнице, подключенная ко всем трубочкам и аппаратам жизнеобеспечения. Надежды никакой нет, как и ответа, что все кончено. Она есть, но ее как бы нет - именно так описывает он сам кому своей любимой женщины. Неизвестность пугает и не дает ничего забыть. Страх ежесекундно напоминает о себе резким ознобом, какой-то неприятной болью в сердце и воспоминанием. Они вспышками рождаются в его мозгу, принося с собой свет и тепло, а исчезая оставляя холод и пустоту.

Вот, они гуляют по берегу небольшой речки в городе Гриндельвальд, что в Швейцарии. Весна, тепло и хорошо. Какая-то поездка в эту страну, он уже и не помнит причин. Да и не нужны они. Ему сорок семь, ей нет тридцати...

Рикардо остановился около какого-то бара и, посмотрев на хмурое и серое небо зашел туда. Заказал себе виски и осмотрелся. Увидел лестницу, ведущую в подвал, и спустился по ней. В подвальном помещении было тепло, горел приглушенный свет. Рикардо сел за дальний столик и погрузился в воспоминания.

- Вы все запомнили, сеньоритта Хуантос? - Рикардо шел чуть впереди, а девушка записывала все в телефон.

- Да, сеньор. Мне завтра надо будет поехать к мсье Жаверу и забрать у него документы. - Рикардо кивнул. - Да, я все сделаю.

- Не забудьте. Он в восемь утра уезжает.

- Да, сеньор. Я успею.

Молодая женщина записала адрес в телефон и прибавила шаг, чтобы поравняться с мужчиной. Сеньор Агирре был задумчив, и Джулия хотела сначала его о чем-то спросить, но затем вспомнила, что совсем недавно сеньор Агирре ее чуть не уволил за вопрос о сыне.

Когда Джулия поравнялась с ним, он бросил на нее оценивающий взгляд и

продолжил путь, о чем-то думая. А девушка сняла платок, чтобы его убрать в карман ветровки.

Подул сильный ветер и выбил платок из ее руки. Он полетел, будто в замедленной съемке, и опустился на поверхность воды. Рикардо остановился и обернулся, когда Джулия нагнулась, чтобы поймать платок, но не удержалась и упала в воду. Мужчина помог ей выбраться и удивленно посмотрел, когда она разревелась.

- Сеньор Агирре, простите, я... я ни на что не гожусь. Я... - заплакала девушка, сидя на земле и пряча лицо в ладони.

Рикардо стало жаль девушку, и он снял свое пальто и накинул на ее плечи. Помог ей встать и, осторожно обнимая, повел в отель.

Шли молча. Джулия дрожала и ничего не говорила. А Рикардо просто не знал, что надо говорить в такой ситуации. У него никогда еще не было такой ситуации. Он проводил девушку до ее номера и напомнил о задании.

А утром за завтраком Джулия пюпринесла ему документы. Выглядела девушка отвратительно, и, поняв, что у нее поднялась температура, решил остаться еще на несколько дней в Швейцарии. Здоровье помощницы стало для него важным. Почему-то...

От воспоминаний, таких приятных в начале, но тяжелых и холодных в конце, Рикардо отвлек официант. На столе появилась бутылка виски, стакан и лимон в виде закуски. Рикардо плеснул виски в стакан и сделал несколько глотков. Прикрыл глаза, надеясь успокоить свой мозг, который начал генерировать воспоминания.

Джеки тен Майер

Агирре никуда не торопится, бредёт себе по улице куда глаза глядят, и не волнует его ни капли, что одной американской гражданке корейского и ещё черти знает какого происхождения приходится ковылять за ним следом, старательно изображая туристку вместо любительницы испанских мужиков постарше. Ладно бы летом, от мадридского зноя можно было бы хоть под зонтиком или панамой спрятаться - но ведь холодно же! И поди пойми этих мужиков... на каждого малыша нянь не напасёшься, классовое неравенство, мать его. Фоксу повезло, хотя тут с какой стороны посмотреть ещё. Что, Рикардо, стыдно перед сыном стало?

Спустя некоторое время объект внезапно свернул в бар, причём, судя по всему, первый попавшийся. Плетущаяся позади с той же скоростью тен Майер вынужденно принялась замедлять шаг, взяв паузу и закулив третью сигарету. Пальцы ног отозвались протестующим покалыванием - наплевать. Ничего, не отвалитесь. Отогреетесь в помещении через минутку, вечером - ванная, а перед сном можно устроить небольшую пробежку по потолку номера. А что? Тоже упражнения.

Нужно надёжно спрятать что-нибудь совсем небольшое? Золотое правило - положи эту вещь на самое видное место. Хочешь спрятаться сама от того, кто не знает тебя

в лицо и по имени, для кого ты лишь осколок безликой толпы - действуй примерно так же. Конечно, усаживаться за один столик с Рикардо или по соседству за стойкой не стоит, хотя было бы забавно, но и ныкаться по дальним углам совершенно ни к чему: войдя в бар через пару минут, американка осмотрелась и заняла место неподалёку от лестницы на минус первый этаж, лицом к ней, и дополнительно, на всякий случай, пристроила тяжёлый фотоаппарат на столе так, чтобы краем кадра захватывать поднимающихся из подвального помещения. Агирре в верхнем зале нет, а больше деваться ему некуда. Из горячих напитков в баре предлагались только глинтвейн и грог с корицей. Призадумавшись и предпочтя второй вариант, Джеки на ломаном английском заказала здоровенный стакан, потребовав добавить туда двойную порцию сахара, и наконец-то расслабилась в тепле. Из ямы в полу помещения, откуда выползали перила лестницы, пока никаких интересных звуков не доносилось.

Рикардо Агирре

В помещении царил приятный полумрак, играла тихая и ненавязчивая музыка, в воздухе витал запах табака. Рикардо похлопал по карманам своего пальто, нашел сигареты и закурил. Уставился на струйку сизого дыма. Курить не хотелось. Без нее ничего не хотелось, даже жить. Возможно, это неправильно. Но сейчас он не знал, как правильно.

Затяжка, стопка виски, снова затяжка. Семьдесят три года. Большой возраст, здоровье уже не то. Оно сильно пошатнулось после аварии. Почему он усадил свою любимую на *то* место? *Он* должен был сидеть *там*.

Еще одна стопка опрокинулась в его желудок, а лимон остался нетронутым. Пришли первые признаки опьянения. Сигарета дотлела и обожгла пальцы. Рикардо вздрогнул и бросил окурок в пепельницу.

Ей нравилось, когда он курил. Она любила запах дыма от сигарет, он ей помогал от укачивания. Первое время Джулию укачивало, она не привыкла так много ездить на машине и летать в самолете. В поездках проходила большая часть их работы. Было очень сложно, но Рикардо быстро привык к такому режиму. Другого выхода у него не было, да и такая жизнь ему нравилась. А Джулии первое время было очень тяжело. С другой стороны, она знала, на что шла, и поблажек Рикардо ей делать не хотел. Первое время он ее проверял на прочность, мог позвонить в два часа ночи и потребовать иногда документы, а чаще кофе или виски. Обычные люди ночами спят, но он не был обычным. Он слишком рано научился не спать много и долго.

Еще две стопки, и оказалось, что он выпил больше половины бутылки. Лимон остался нетронутым. Стало тепло, голова непонятно закружилась. Воспоминания стали проноситься неприятными вспышками, и он поморщился. Наверное, стоило идти домой, проспаться и что-то делать. Но ничего не хотелось делать. Совсем ничего. Без нее нет жизни.

Он терял. С матерью Маркуса был короткий, но какой-то страстный роман. Он влюбился в эту красивую женщину, которая работала горничной в отеле явно не от хорошей жизни. Он уже мало что помнит о ней, но двадцать шесть лет хранил о ней память. Она была его любимой и единственной женщиной. А потом, пять лет назад,

в его жизни внезапно появилась Джулия. Нежная, чуткая и заботливая, она как-то проникла в его сознание, вплелась туда, и он никак не мог избавиться от этого. Ее жизнь была чем-то похожа на его собственную. Ей было три года, когда мать вышла замуж за дипломата и уехала в Сидней. Через год родился брат, а отчим со временем стал приставать к ней. В семнадцать лет она уехала учиться в Мадрид, а в двадцать три года устроилась на работу. Она любила свою маму и поддерживала ее. И брата любила. Они не были виноваты в том, что отчим оказался мразью. Но брат, как знал Рикардо, ненавидел его и был против, чтобы Джу возвращалась к нему, родив ребенка.

Мужчина поморщился от тяжелых и грустных мыслей и выпил содержимое очередной стопки. Почувствовав, что больше не может пить, он закрыл бутылку и встал из-за стола. Сделать это оказалось не так просто, и через некоторое время он нетвердой походкой направился к лестнице. Подняться получилось не сразу, но он все-таки оказался на первом этаже. Пошел к выходу, но путь ему преградил охранник. К нему подошел официант.

- Сеньор, вы не заплатили.

- Простите, - пьяным голосом пробормотал Рикардо и достал бумажник из кармана пальто. Сунул официанту купюру и ушел в морозный и снежный вечер...

Джеки тен Майер

Горячее питьё приходится ждать возмутительно долго - и "прослушка" Агирре не работает: в залах шумно, по столикам стучат стаканы и рюмки, а сквозь музыку и посторонний гомон голос Рикардо не пробивается, - но вот приносят грог, и американка хватается за огромный стакан с ромово-сахарным раствором, с наслаждением выпивая едва ли не треть за один приём. Боже, какое наслаждение! Из тен Майер протестантка не то чтобы истовая, в отличие от школьных приятелей, латиносов-католиков, скорее наоборот, но Создателя она изредка всё же поминает. От горячего грога в тёплом помещении нос немедленно потёк: пришлось прятать лицо в платке, срочно выуженном из сумки.

За всё в этом мире приходится платить. Джеки - за согрев и привкус корицы на языке; её самой, в свою очередь, платят за качественно выполненную работу. Неизвестно, что появилось первым, курица или яйцо, мифы не дают толкования, возник ли феникс из некоего изначального пепла или наоборот, пепел из феникса, но одно тен Майер может сказать точно: за право называться певчей пылающей птичкой нужно, чтобы на твоих глазах застрелили человека, открывшего тебе путь в мир осмысленной магии. Собственно, она и сама обходится магу не бесплатно. Тем чаще болит голова, чем тяжелее предмет, который пытаешься подвинуть или произвести более сложную манипуляцию, сосредоточив на его естестве взгляд и разум; геккон за волшебные лапки требует поддержания температуры, желательно постоянной, и плевать он хотел на то, что сама Джеки не эктотермна и оснащена "центральной отоплением", как честное млекопитающее. Конечно, проявляются недостатки несовпадения физиологии совсем не так сильно, как могли бы, иначе американка и до бара бы следом за испанцем не дошла - по дороге в оцепенение брякнулась, - да и в форме ящерицы отзвуки человеческих 36°6 греют, что ли... на морозе работать сложно, но можно.

Вот и ты, Рикардо, платишь за то, что позволяешь себе ошибаться. Иначе меня к тебе бы не прислали.

Расплывшаяся за столиком полукровка уже допивала второй стакан, когда Агирре наконец соизволил явить себя объективу включённой камеры. Ба, да ты же почти в дрова, дедуль! Бросить сына лишь ради того, чтоб сходить напиться с бухты-барахты? Ну, дед, это ни в какие ворота. Семейные дела это семейные дела, у американки работа, ничего личного - но чисто по-человечески Джеки жалеет мальчонку, плавным движением кисти поправляя камеру на столе, чтобы она продолжала смотреть на объект, который затормозили у выхода, требуя расчёта. Платить приходится за всё, да... девушка тоже оставляет между двумя пустыми стаканами из-под грога двадцатку евро. Следует выждать полминуты, приметив, в какую сторону направился Агирре, и вновь двигать за ним.

Рикардо Агирре

Рикардо вышел из бара и направился дальше. Он совершенно не знал, куда идет и зачем куда-то идёт. Пешеходов было много, люди спешили с работы домой, они прятались под шарфами и шапками от непогоды и сильного ветра, а Рикардо не обращал на это внимания. Ему было плохо и жарко. Жарко от выпитого алкоголя, а плохо от того, что мысли его крутились вокруг любимой спящей красавицы. Если бы можно было ее просто поцеловать... Но к ней не пускают. Его не пустят. Маркуса пустили, потому что он согласился работать уборщиком. Совершенно неблагодарная с точки зрения человеческого существования работа, но благородное дело. Маркус, который никогда раньше не хотел никому помогать, даже из корыстных целей, сейчас занимается этим и ухаживает не только за Джу, но и еще за несколькими людьми, которые оказались в реанимации.

Походка была нетвердой, и то ли от сильного ветра, то ли от головокружения он пошатнулся, и нога соскочила с бордюра. Рикардо не успел поймать равновесие и тяжело рухнул на асфальтовое дорожное покрытие, по которому ехала машина. Ударившись бровью об асфальт, он поморщился от боли в поврежденной руке и услышал визг тормозов. Вздвогнул и перевернулся на спину, после чего сел. Перед ним, в нескольких сантиметрах от него, остановился бампер машины. Около дороги столпились люди, и кто-то помог ему встать.

- Да он пьяный, - с отвращением сказала какая-то пожилая сеньора, гуляющая со своей собачкой.

- Сеньор, вам плохо? - Спросил мужчина, помогший ему встать. - Вам надо в больницу.

Рикардо мотнул головой и ощутил спазм в желудке. Комок стал подниматься к горлу, появилось несколько характерных движений, и он сглотнул, понимая, что его сейчас будет тошнить. Водитель такси что-то ему говорил, и он грубо вырвался.

- Не надо, я в порядке, - пьяным голосом произнес он и направился к тротуару. Одна только мысль, что ему придется сесть в машину, вызвала ужас. Ноги стали ватными, по спине прошелся противный холодок.

Рикардо прислонился к ограде и согнулся от рвотных спазмов. Какой-то человек протянул ему платок, и он протер рот. После этого состояние ухудшилось, но он нашел в себе силы направиться дальше. Холодный воздух отрезвлял. Люди, видевшие его позорное падение и состояние, отправились по своим делам. Уехал и таксист. Рикардо понимал, что надо было сесть в машину и отправиться домой, но не мог перебороть в себе этот страх. Из-за машины его Джулия стала спящей красавицей.

И снова воспоминания. Снова яркие болезненные вспышки, напоминающие о прошлом. Рикардо остановился и поднял голову. Вздогнул, увидев очертания храма. В этом храме венчались Лауритта с Моррисом, в этом храме он хотел сделать предложение и договориться о церемонии. Неужели этого никогда не будет?

Рикардо вошел в храм и сел на заднюю скамейку. Здесь как всегда было очень тихо и спокойно. Витражи на окнах, распятие около алтаря, прихожан нет. Рикардо встал на колени и посмотрел на распятие.

- Джулия, - прошептал он. - Я не могу жить без тебя. Я не хочу больше никого терять, - из груди вырвался всхлип. - Прошу, помоги ей. Не забирай ее. Забери все мои деньги, все забери у меня, но верни ее. Прошу, будь милосерден. Прошу...

Стало чуточку легче. Как-то спокойнее. Мужчина встал, перекрестился и покинул божий дом, чтобы отправиться домой.

Джеки тен Майер

Гекконы вида токи, живущие в неволе, не привыкают к опекающим их людям, чьи руки заботливо наполняют кормом миски и поилки в террариумах. Но даже если бы характер кусачей ящерицы был помягче, имей она возможность цапнуть саму себя, свой человеческий облик, на тен Майер за один только сегодняшний день не осталось бы живого места. Какая выпь - видно, самая агрессивная и длинноносая, - клюнула эту глупую самку человека и в какое место, что её понесло в такие дьявольские условия - где дует промозглый ветер, забираясь холодными пальцами под тряпку, именуемую Двуногими словом "пальто", а сородичей вокруг бродит настолько много, что от них приходится буквально уворачиваться?

С самого утра Джеки просто фантастически везло; как оказалось, фортуна не оставила её и после бара, в котором они с Агирре - порознь, как разругавшиеся дед с внучкой - провели больше часа. Разморенная теплом и горячим алкогольным напитком, Джеки забыла выключить камеру, выйдя следом за испанцем на улицу, а секунд за тридцать до того мгновения, когда сильно нетрезвый Рикардо умудрился рухнуть на дорогу, не устояв на ногах, её чуть не сбила с ног спешащая куда-то молодая женщина, увешанная пакетами. Фотоаппарату, висящему на шее, поочередно досталось уголком пакета с логотипом брендового бутика и локтем самой тен Майер, которая чуть не упала первой, взбешённая вопиющей наглостью - костоломка стремительно исчезла из виду, не извиняясь. Джеки оставалось лишь проверять зеркалку на наличие повреждений, подняв её к глазам, и подивиться, что та включена. На момент падения девушка среагировала чисто рефлекторно.

Всё то время, пока Агирре поднимали с асфальта, а после тот страдал на тротуаре, тен Майер снимала уже практически не таясь, с достаточно близкого расстояния. Вот и первые серьёзные материалчики... Рикардо, ты алкоголик, самоубийца или и то, и другое? В твоём возрасте следовало бы уже поберечь себя - хотя бы ради сына. Последующие действия испанца американку поразили. Что должен делать пьяный старик - правительственный чиновник! - только что поцеловавший лбом асфальт и опорожнивший желудок прямо на тротуаре? Правильно - в храме грехи замаливать! Ну и дела... тен Майер никогда не понять европейцев. В святое лоно церкви следом за Агирре девушка заходить не стала, осторожно зафиксировав мольбы испанца со входа. В практически полной тишине чётко слышалось каждое его слово: вполне вероятно, что их уловил и микрофон камеры. Американка, быстро юркнувшая прочь с глаз поднявшегося со скамьи старика, была уверена, что осталась незамеченной.

Рикардо Агирре

Рикардо вышел из храма и направился в сторону дома. Состояние было отвратительное, голова раскалывалась, в ранке на брови было жжение. Рука неприятно ныла. Нетвердая походка, заплетающиеся ноги, неприятный запах. Один ботинок промок, из-за этого замерзла нога, а со временем стала неметь, что было очень печально.

Наконец, Рикардо Агирре добрался до дома. Постоял недолго около лестницы и достал из кармана ключ. Открыл дверь и вошел в прихожую. Из гостиной доносилась музыка, и первые услышанные ухом аккорды заставили его вздрогнуть.

*Я это ты, ты это я,
И никого не надо нам.
Все, что сейчас есть у меня
Я лишь тебе одной отдам*

В сознание вторглись воспоминания. Он не хотел этого вспоминать. Появилась ярость, сильная, ненавистная, и он стукнул кулаком по зеркалу, разбивая его. Поморщился от боли в руке, посмотрел на кровь, выступившую от микропореза, и, не закрыв дверь, прошел в комнату. На диване в гостиной скакал Фокс, а из динамиков музыкального центра доносилась песня. Воспоминания. Мужчина взял пульт и выключил проигрыватель.

- Папа, - Фокс спрыгнул с кровати и подбежал к нему. Но Рикардо грубо его оттолкнул от себя, и мальчик упал на пол.

Через секунду он заплакал, чем вывел Рикардо из себя. Мужчина нагнулся, грубо поднял его за руку. Фокс сжался в комочек и закрыл лицо руками. Рикардо вздрогнул, сын сейчас так напомнил ему Маркуса.

- Не реви, ты же мужчина! Я тебе не разрешал слушать эти песни.

- Я хочу к маме-е-е, - заплакал малыш. - Мамочка...

Из кухни вышла няня и взяла плачущего мальчика на руки. Холодно посмотрела на своего работодателя.

- Сеньор Агирре, вам надо проспать! Вы пугаете своего сына. Вы не должны...

- Что?! - бровь мужчины поползла вверх, а от холодного тона вздрогнул даже он сам. Фокс заплакал. - Вы забываетесь, сеньора Лопес! Я сам знаю, что должен и чего не должен делать! Вы не имеете права мне высказывать ничего. Я могу вас уничтожить! - Закричал он. - И успокойте вы его!

Рикардо пнул по дивану и развернулся. С трудом удержался на ногах и направился в комнату. Собрал один косяк и завалился на кровать. Укутался в свое пальто и заснул...

Джеки тен Майер

До места жительства испанец и его непрошенная эскортница добрались без каких-либо дополнительных приключений. Если не считать того, что Рикардо после посещения святого храма шатало уже совсем нехорошо, вёл себя всю дорогу старик достаточно прилично. Настолько, насколько вообще может выглядеть презентабельно сильно пьяный человек - особенно если сравнивать с концертом, который он недавно устроил, проверив лицом на прочность укладку испанского асфальта в самом центре столицы. Камеру, однако, тен Майер более не выключала и была готова в любой миг схватиться за неё. Просто на всякий случай.

По пути Джеки снова замёрзла, про себя проклиная и сошедшие с ума погодные условия Пиренейского полуострова, где, по идее, должно быть достаточно тепло, и самого Агирре всеми известными ей непечатными выражениями: как английскими, так и корейскими, перемежая и присыпая их острыми испанскими ругательствами, которые бы стоило ретранслировать Рикардо прямо в голову, чтобы двигался побыстрее. Богатый арсенал американки, выросшей в нестройных рядах нищей шпаны пригорода Нью-Йорка, уже подходил к концу, когда объект наблюдения наконец соизволил свернуть к дверям одного из двухэтажных особняков, тянущихся вдоль улицы - без преувеличения роскошных, надо сказать.

Если бы по мере удаления от оживлённых центральных улиц количество людей, движущихся встречными курсами, резко не снизилось, девушка, продолжившая брести по улице в том же темпе после того, как Рикардо исчез из виду, ни за что не решилась на дальнейшие рискованные действия. Но менее чем через минуту до тен Майер, чей слух многократно превышает остротой человеческий, донесся звон разбитого стекла - Джеки, быстро оглянувшись, невозмутимо свернула к дверям дома, чуть ускорившись, как будто туда и шла.

За неплотно прикрытой дверью стихла мелодия песни на незнакомом языке, сменившись воплями сына испанца, звуками падающего маленького тела и перепалкой двух голосов, мужского и женского. Прильнувшая к дверному полотну с внешней стороны тен Майер полностью обратилась в слух, положившись на звукозаписывающие возможности камеры. В Европе жестокое обращение с детьми карается очень строго. Эта короткая аудиодорожка - серьезнейший удар по фамилии Агирре.

Мерное дыхание человека, заснувшего раньше, чем голова коснулась подушки, ознаменовало окончание наблюдения, и Джеки быстро покинула престижный квартал. Дел теперь - вагон, но для начала необходимо обработать свежие аудио- и видеофайлы, по крупицам собирая пакет данных для заказчика. Нудная беготня по морозу наконец позади, рабочий график переходит в активную фазу.

Рикардо Агирре

Сеньора Лопес, няня Фокса и домработница, успокоила мальчика, уложила его спать и, когда испуганный и расстроенный ребенок заснул, спустилась на первый этаж и, подумав немного, вошла в комнату, в которой скрылся Рикардо. Мужчина громко храпел, лежа на животе и свесив одну ногу с кровати. Женщина сняла ботинки и укрыла своего работодателя покрывалом. Потом покинула комнату, прикрыв за собой дверь.

Яркое и теплое солнце должно было радовать, но приносило боль в голове. Глаза щурились от солнца и слезились. В голове была полная каша и абсолютное непонимание, как с этим разобраться. Только несколько дней назад он радовался известию, что наконец стал отцом, а теперь в душе пустота и полное непонимание, что делать дальше. Он просто подписал разные бумаги, но не мог подписать отказ. Он хотел ребенка, тем более он любил Лиду и представлял, как они будут воспитывать сына, гулять по паркам, кататься вместе на велосипеде и путешествовать. Несколько дней назад была прекрасная и счастливая жизнь.

А потом звонок. С мероприятия пришлось срочно уехать, поставив под угрозу жизнь Летиции. Мало ли что могло случиться. Но, к счастью, остаток мероприятия прошел хорошо, его отсутствие заметили далеко не сразу, и король решил уволить сеньора Агирре с должности. Но Летиция вступилась за ценного сотрудника, и благодаря ей Рикардо остался на службе. Правда по приезду ему пришлось идти к Летиции "на ковер" и рассказывать о Лиде. Когда Фридрих ушел, плюнув на сотрудника своей жены, Летиция подошла к Рикардо и подняла его голову за подбородок. Глядя в ее карие глаза, Рикардо рассказал о сыне. Летиция оставила это в тайне, а через несколько дней сообщила, что нашла ему помощницу...

- Извините, а вы не подскажете, где мне найти этот корпус? - Рикардо услышал красивый голос, в котором преобладали отчаянные нотки, и поднял голову. Перед ним стояла молодая женщина, нервно теребящая в руках записку с адресом. Выглядела она стильно, но видно было, что этот стиль ей неудобен, привыкла она к чему-то другому. Белоснежная блузка, сидящая на ней как-то неправильно, юбка-карандаш и туфли на высоком каблуке-шпильке. Образ эдакой учительницы. Средней длины рыжие волосы, чуть вьющиеся, и очки в толстой оправе.

Рикардо внимательно и холодно посмотрел на девушку и затаился. Выкинул сигарету в мусорку.

- А что вы хотели? - спросил он, рассказав, как добраться до нужного адреса.

- Мне назначено собеседование с сеньором Агирре, - произнесла девочка слегка испуганно.

- Похвально, что вы не опаздываете, - сказал мужчина. - Пойдёмте.

Вероятно, слова мужчины испугали девушку, и она сильно вздрогнула и отступила на шаг. Каблук сломался, и она бы упала, если бы не хорошая реакция Рикардо. Он схватил ее за локоть и внимательно посмотрел на нее. Девушка покраснела и готова была расплакаться.

- Если вам неудобно ходить в таком стиле, то можете выбрать что-то другое. Только никаких мини-юбок и джинсов. На мероприятия придется подбирать вечерний и официальный стиль. И эти очки вам совершенно не идут, сеньоритта.

- Вы... вы и есть сеньор Агирре? - Испуганно произнесла девушка. - Мне сказали, что вы страшный человек, - ляпнула она. - Простите, я не хотела.

- Я страшный человек, - прошипел Рикардо и, отпустив локоть девушки, направился в свой кабинет

- Джулия... - пробормотал лежащий на кровати мужчина. По виску стекла слеза.

Джеки тен Майер

Вернувшись в отель, тен Майер привела себя в порядок и взялась за подготовку к следующему акту спектакля, для начала занявшись выковыриванием из скрытой папки в системе рабочего фотоаппарата добытых данных. Для слежки подобного рода интересанту стоило бы нанять рядовых шпионов - профиль Феникса всё-таки немного иной. Тем не менее, результаты превзошли все ожидания. Две последние аудиозаписи - записанные от дверей храма и особняка, - получились настолько чёткими, что сгодятся и для судебных экспертиз (хотя "церковную" запись Джеки не понимала, куда пристроить, но решила всё же оставить), нужно лишь прибавить громкость, а десерт, в роли которого выступало шикарное видео, где Рикардо только разве бомжом под забором не валялся в луже рвоты, прекрасно дополняет общую картину. Естественно, тен Майер дополнительно предоставит заказчику и текстовые файлы в её изложении, содержащие те моменты, которые из-за расстояния или шума на улице зафиксировать техникой не вышло, но пока уповает на второй этап, который позволит последить за семьёй Агирре уже дома.

Обрезку и мелкий монтаж материалов Джеки оставила на потом, это всегда успеется - сейчас хорошо бы перепроверить полученную с "Форбса" информацию, а заодно поискать упоминания о каких-либо относительно недавних нестандартных ситуациях, где пожилой испанец мог светиться. Невозможно следовать за Рикардо постоянно, если только не сидеть у него в кармане, а ведь ещё нужно в госпиталь заехать... и быть настороже: даже если её маленький визит к дверям Агирре никем

не зафиксирован, объекту с этого момента показываться на глаза не следует даже мельком.

Многочасовой интернет-сёрфинг одарил ищейку следующими новинками. Во-первых, среди не представляющей интереса мишуры неожиданно всплыла очень давняя история, когда Рикардо, судя по всему, только начинал свою правительственную карьеру. В архивных подписках одной из мадридских газет Джеки нашла информацию о некоем инциденте, после которого тогда ещё молодой испанец едва не вылетел со службы с крупным скандалом по знакомой причине - мужик явно не способен себя контролировать. Во-вторых, случайно обнаружилась презанятнейшая любительская видеозапись, ссылающаяся на одну из японских соцсетей: Рикардо, заседающий в ресторане, орал в голос и в гневе швырялся телефоном, а потом и вовсе напал на некоего постороннего мужчину. Окончание ролика заставило американку презрительно хмыкнуть - политик и там успел поваляться на полу в совершенно неадекватном состоянии. Спасибо тебе, неизвестный японский благодетель!

Что ж, кто бы сомневался, что в жизни чиновника найдётся изрядная куча грязи. Найденные материалы Джеки сохранила себе, не доверяя сетевым ресурсам. Теперь несколько звонков - нужна аппаратура, которую после доставки американка подберёт где-нибудь в укромном месте, спасибо подпольным приятелям, а также транспорт - и горячая ванна перед сном. Завтра будет трудный день.

На следующее утро Джеки была, что называется, готова к великим свершениям. У отеля уже должен ждать арендованный автомобиль, увешанный видеорегистраторами, остаётся только дополнить "арсенал" кучкой полезных вещей, необходимых для добычи фактического материала вне её личного присутствия. На крайний случай придётся, так сказать, поработать руками. А точнее, лапами. Но сначала - госпиталь.

Рикардо Агирре

Мужчина заворочался на кровати, его руки нашли подушку, сжали ее, и он слегка успокоился, если можно так назвать воспоминания, терзающие его сознание.

За два года работы Джулия не дала повода усомниться в своей работе. У нее было не так много опыта, как хотлось Рикардо, она была слегка неуклюжей, иногда во что-то врезалась и подворачивала ногу, стоя на высоких каблуках. На мероприятиях ей было неудобно и некомфортно, но это входило в ее обязанности. На разных совещаниях она не присутствовала - ее задачей была помощь в подготовке документов, и она дожидалась своего начальника в холле. Иногда бывало так, что после собрания в одной стране они ехали в аэропорт и отправлялись в другую страну. Чаще всего это были США. И Джулия никогда не жаловалась, хоть ей и было тяжело и некомфортно на мероприятиях.

Какой-то внешний звук ворвался в сознание, растворяя последние приятные воспоминания и возвращая отвратительный запах, сильную головную боль и острое желание выпить воды. Рикардо сел на кровати и посмотрел на пальто, в котором

спал. Оно было грязное, в каких-то непонятных в первое время следах. Бровь болела, и он прислонил руку, чтобы почувствовать запекшуюся кровь. Рана защипала, и он поморщился. Воспоминания о позорном поведении ворвались в его мозг, и он застонал.

А ведь он никогда не позволял себе такого, когда рядом с ним была Джулия. Даже если они были на разных материках, он мог ей позвонить, услышать ее голос, и ему становилось легче. Чуть позже, лет через пять после поступления к нему на работу, Джулия научилась держаться увереннее, и косяков в ее работе практически не было. А на незначительные косяки он закрывал глаза. Они были часто после тяжелого дня, перелета и поездки, когда бедной женщине приходилось не спать сутки, а то и больше.

А сейчас Джулии не было. Она в коме, состояние стабильное. Его не пускают к ней, но Маркус иногда рассказывает о ее состоянии, хотя оно не меняется. Рикардо не дурак, он знает, что в коме можно провести как несколько дней, так и несколько лет. Вот только он боится представить, что однажды Джулия проснется только чтобы попрощаться с ним. Как это несколько лет назад сделала мать.

Мужчина вздрогнул и мотнул головой. Нет, она не может умереть. Она должна жить. Если бы у него была возможность отдать свою жизнь ради нее, то он бы не думая это сделал. Фокс должен жить с мамой. У них прекрасные отношения, они по вечерам играли и болтали, бесились и смеялись. Он не умеет смеяться с сыном. Фокс напоминает Джулию.

Звонок телефона, раздавшийся в доме, заставил его вздрогнуть и зажмуриться от головной боли. Вспышка, и снова появились воспоминания.

На свое сорокалетие Джулия отпросилась съездить домой. Рикардо, не видя причин ей отказывать, отпустил свою секретаршу на две недели, подарив полноценный отпуск и пообещав, что за это время сам справится со всеми задачами и проблемами. В это время у него было две серьезные проблемы, о которых он молчал - сын и сестра. Первый вёл себя отвратительно, а сестра бросила Морриса только потому, что он не захотел ехать к ней в Мадрид и помогать ей ухаживать за бабушкой. На все слова Рикардо, что Моррис не может приехать по щелчку пальцев, Лаура обижалась и говорила, что не любит его, он ей не нужен.

А через неделю после отпуска ему позвонила Джулия и попросила помочь с переездом в Мадрид. Она плакала, и Рикардо помог ей улететь. Через день он стоял в аэропорту и ждал Джулию. Женщина бросилась в его объятия и заплакала. Ее трясло, лицо было горячее. Рикардо привез ее в свой номер отеля и уложил в кровать. Всю ночь сидел рядом со своей сотрудницей, которая ворочалась и стонала в бреду. Из ее бормотаний Рикардо понял, что она рассорилась со своей семьёй, потому что им не нравилось, что у нее до сих пор нет детей, а с таким графиком работы у нее никогда не будет детей.

- Почему же ты не осталась? - Рикардо поднес к ее губам стакан воды и помог

удержать. Он не обратил внимания, что перешел на неформальное общение.

- Я... люблю вас, сеньор Агирре. Мне было плохо без вас. Это... глупо, я знаю.

- Это неожиданно. Но я не люблю тебя. Впрочем, - Рикардо встал с кровати и подошел к окну, - я не знаю, что такое любить.

- Сеньор Агирре, вы спите? - Из воспоминаний его вырвал голос Терезы. Мужчина встал с кровати, пошатнулся от головокружения, но подошел к двери и открыл ее. - Вам только что звонил секретарь Ее Величества. Вы должны явиться через три часа во дворец.

- Спасибо, - пробормотал Рикардо.

- Приведите себя в порядок и приходите к нам. Мы скоро будем обедать.

- Хорошо. Спасибо, Тереза.

Женщина поклонилась и ушла, а Рикардо снял с себя грязное пальто и отправился в ванную комнату, чтобы привести себя в порядок.

Джеки тен Майер

В Мадриде тен Майер не ориентируется, поэтому пришлось довериться навигатору - и, как скоро выяснилось, не зря. Самый ближайший путь к искомой больнице оказался перекрыт: то ли ДТП там, то ли дорогу ремонтируют или очищают от навалившего снега, не поймёшь. Что ж, не проблема, спящие красавицы на то и спящие, чтобы лежать себе мирно и никуда не убегать. Раз уж сам город намекает, что торопиться не следует, для начала можно заехать за камерами, местонахождение и способ получения которых стало известно из полученного утром электронного письма.

Интересно, "гвардию" Феникса ли боятся так, что аж уважают, ну или наоборот, или же среди исполнителей мелкого заказа попался выходец из Йонкерса, припомнивший малышку-Джеки? Ту, что вечно чумазая и с перемотанными руками, потому что полдня копалась на автосвалке, таская хлам, который можно продать. Ту, кого можно дразнить, вытягивая себе уголки век, с воплями "Жакли-и-ын" - ведь всем известно, что мелкая азиатка терпеть не может своё полное имя, но будет только забавно корчить злобную рожицу в ответ, сжимая замурзанные кулачки. Нельзя только поворачиваться спиной: осколок гравия в затылок прилетит немедленно. Трудно бывало... но тен Майер своё детство ни на какое другое не променяет, сколько ни предлагай да доплачивай зелёными хрустящими двадцатками. А если старый знакомый - с западного побережья? Там Жаклин уже проверенный товарищ, опытный боевик - да и не Жаклин вовсе, а начинающий Феникс, который копов как фисташки щёлкает. И под юбку ей заглянуть неловко даже, братва не поймёт. Фигурально выражаясь, разумеется - юбок корейская дива не носит. По крайней мере те, что можно быстро задрать.

Впрочем, какая разница. Те из них, что дожили до совершеннолетия, не сгнили под

эстакадой метро со шприцем в заскорузлых пальцах и не присели за окошко в клеточку, остались далеко позади, а те, кому не повезло - и того дальше. Кто на что учился, как говорится... теперь мелкие бандиты, мнящие себя настоящими гангстерами из кино, оставляют "закладки" с пакетами по паркам и обшарпанным дворам каждого первого района-гетто, и лишь иногда избранным достаётся право доставить и спрятать набор камер для работы Феникса. И не стоит думать, что Джеки - гордячка. Да, магия это бесценный дар, доступный немногим, американка за все тридцать с хвостиком лет только двоих магов встречала, если себя не считать. Но увы, всемогущих волшебных палочек с книгами заклинаний в трущобах Йонкерса не купишь, да и не на что, письмо с билетом в Хогвартс сова тоже так и не принесла. Хочешь жить - учись всему сам, и помни, что платить приходится за всё, даже за чудеса.

Забрав оплаченное добро из автоматической камеры хранения на одном из мадридских вокзалов с помощью QR-кода, содержащегося в письме, Джеки, следуя указателям навигатора, отправилась к госпиталю. Вторая попытка добраться увенчалась успехом, сюрпризы по дороге обошли её стороной, чего не скажешь о самом месте назначения. Зашедшей в здание американке, приготовившейся аккуратно расспросить кого-нибудь из персонала с диктофоном в кармане, сразу попало на глаза знакомое лицо в холле. Агирре! Младший. Или средний, вернее... Точь-в-точь как на фото из интернета - благо, не следит за входом, поглощён тихим разговором с медсестрой. План "Б" быстро сформировался в голове: Джеки юркнула к стойке регистрации и принялась терроризировать администратора вопросами о больничном преysкуранте, повернувшись к Маркусу спиной и внимательно прислушиваясь к голосам позади.

Удача не оставляет тен Майер и сегодня. Подтвердилось предположение, что Агирре-старший тоже недавно валялся именно здесь, попав в ту самую аварию - мало того, в беседе молодого парня с работницей госпиталя проскользнули намёки на то, что испанец успел и в больнице запомниться не слишком адекватным поведением. В качестве вишенки на торте выступил звонок самого Рикардо, дай ему Бог здоровья: с ним так удобно работать... словно поделеньник, вот честное слово. Старик уведомил сына о планах на вечер, причём точно обозначил время. Девушка оперативно свернула болтовню с администратором, попрощавшись и даже оставив контакты - разумеется, придуманные прямо у стойки, - и с чувством выполненного долга покинула госпиталь. Если действительно особняк в указанные часы будет пуст, упускать такой шанс ни в коем случае нельзя.

Рикардо Агирре

Стоять под душем, когда одна твоя рука спрятана в гипсе, а половина туловища забинтована, не особо хороший вариант. Мужчина снял рубашку и кинул ее в ящик для белья. Посмотрел на себя в зеркало и вздрогнул. Отвратительного вида старик смотрел на него. Впалые щеки, тусклый взгляд потерявших свою привлекательность глаз. Растрепанные грязные волосы, тронутые сединой.

Рикардо вздохнул. Включил воду и умылся одной рукой. Кое-как привел себя в порядок, причесался и надел халат. Вышел из ванной и прошел в просторную столовую. Большой овальный стол собирал раньше всех членов ненавистного ему дома, а ему никогда не хватало места. Мать и братец не желали его видеть, а с

Маркусом он сам не хотел пересекаться. Да и заезжал он домой только для того, чтобы услышать недовольство матери.

Сейчас была накрыта половина стола. За столом уже сидели Фокс, который вздрогнул, увидев папу, и Тереза. Женщина была почти членом семьи, и Джу часто ей помогала по дому и всегда звала с ними обедать. Сейчас Тереза была вместе с ними. Рикардо не был против. Рикардо подошел к столу и сел на свое место.

- Фокс, извини меня, - сказал Рикардо. - Я не должен был себя так вести.

- А ты со мной поиграешь? - спросил мальчик, глядя на него. - Я хочу поиграть с тобой.

- Я поиграю с тобой, малыш. Только мне сначала надо дела доделать, и я потом полностью в твоём распоряжении, - мужчина потрепал мальчика по волосам.

Ели в молчании. Рикардо пытался съесть что-то, но кусок в горло не лез. Когда Фокс убежал играть, мужчина посмотрел на женщину.

- Я был поностью уверен, что не люблю никого. Но мне без нее очень плохо. Я не могу перестать думать о ней. Потому что мне страшно. Я считал себя сильным человеком, способным уничтожить, но оказалось, что я на самом деле слишком слаб и ничтожен. Простите меня за вчерашнее, - Рикардо грустно вздохнул и опустил голову.

- Все мы боимся терять. Но она не умерла. Думайте о том, что вы рано или поздно встретитесь с ней. Все, что не убивает нас, делает нас сильнее, - сказала женщина и встала из-за стола. - В соседнем доме открылся барбершоп, вас ждут там через час. Я приготовила вам одежду.

- Спасибо вам, Тереза, - вздохнул Рикардо. Он был обескуражен словами и поступками этой женщины. Ведь ему казалось, что она должна была уйти, оставив их. А она не побоялась остаться, хотя прекрасно знала характер Рикардо. Нянь и домработниц было очень много за все годы работы, но только Тереза выполняла свою работу лучше всех. Ведь ее наняла Джулия несколько лет назад. А его бывшая секретарша никогда не ошибалась. Он полностью ей доверял.

Рикардо допил вкусный кофе и встал. Направился в комнату и переоделся. Спускаясь по лестнице, засмотрелся на сына, который сидел за столом в гостиной и что-то делал.

- Фокс, собирайся. Нам через двадцать минут выходить к врачу. Потом погуляем, - сказала Тереза мальчику, и он послушно побежал в свою комнату одеваться.

Через полчаса в доме стало тихо. Тереза закрыла дверь. Одно окно было чуточку приоткрыто. Сигнализацию никто не ставил уже много лет. Рикардо отправился в барбершоп, а Тереза с Фоксом пошли на остановку.

Спящая красавица - что называется, устами младенца... Не знаю, сеньора по имени Джулия, красавица ты всё же или не очень, встретиться нам с тобой не суждено, да и не очень хотелось-то, если честно. А вот один мальчонка тебя очень ждёт. Не переживай, принцесса: я не трону сбережений твоего принца, в задании таких целей не обозначено, и я тоже для разнообразия иногда умею побыть честной и великодушной. Здоровье можно купить, медицина в нашем веке способна творить чудеса - младший Агирре ещё увидит маму, почти уверена. Знаешь, красавица, свою я не видела уже тринадцать лет.

В госпитале Джеки планировала представиться помощницей партнёра Рикардо Агирре по бизнесу или наплести чего-то в этом духе, пожаловаться, что до испанца не дозвониться, а "ей сказали", что того можно найти здесь. Однако события предпочли развиваться по иному сценарию: на горизонте нарисовался очередной Агирре, последний из известных, и предпочёл не отставать от отца, буквально помогая Джеки "со следствием". Удача? А вот и нет. В моменте, когда она напоролась в автобусе на искомую цель - безусловно, но остальное... Экспрессивные футбольные комментаторы часто позволяют себе в эфире клишированное выражение, мол, "мяч летел прямо во вратаря", и нередко после того уточняют - в запоротой атаке виноват не форвард, которому не повезло, а голкипер, верно выбравший позицию. Вот и здесь ровно то же самое.

Старик не соврал. В назначенный час особняк покинули и сам Рикардо, и его младший сын с сеньорой Лопес, она же Тереза и няня в одном флаконе. К тому моменту тен Майер, внимательно наблюдающая за поместьем Агирре из салона машины, припаркованной на значительном расстоянии, давно уже всё подготовила, оставалось только переместиться поближе. Wi-Fi-точка настроена - осторожная американка даже выяснила фамилию и имя одного из соседей Агирре, на всякий случай назвав подключение его инициалами, - камеры проверены, теперь дело за малым. Выйдя на свежий морозный воздух, чтоб ему пусто было, Джеки всласть поохала над "помятым диском" заднего колеса, рядом оставляя под ним комплект крошечной аппаратуры, забралась обратно в салон и спустя несколько мгновений выскользнула оттуда на пятнистых лапах, выбравшись в маленькую щель над заранее опущенным задним стеклом.

Главное - не спалиться на тротуаре. Для рептилий всё же не сезон. Хоть на снегу светло-серая, почти белая ящерица с голубоватым оттенком не слишком заметна, если не приглядываться, случайного свидетеля наверняка заинтересует глазастое создание с непонятным предметом во рту. Первый рейс - самый сложный, необходимо удостовериться, что в здании более никого нет. Джеки быстро нашла доступное место для вторжения. Проветриваете - будьте готовы, что птичка залетит... определив первую камеру в помещении с приоткрытым окном, геккон стремительно припустил обратно к автомобилю за следующей, быстро перебирая замерзающими лапками. Камер всего шесть, распахать по всем туалетам-кабинетам не выйдет, придётся выбирать более выгодные точки.

Пятнистый токи справился с испытанием за сорок с копейками минут. Отлично... под наблюдением находится рабочий, судя по всему, кабинет, коридор от входной двери с лестницей заодно, все три спальни и гостиная: маленькие камеры засунуты хитрым гекконом в такие укромные места, что даже любопытный ребёнок вряд ли

заметит. Закурив прямо в машине и не заморачиваясь, разрешено это или же запрещено, американка запоздало задумалась о том, что делать дальше. Первый раз ей дан заказ без конкретно сформулированной цели. Откуда ей знать, каких материалов клиенту будет достаточно? Данные, что девушка накануне раскопала в заплесневелых веб-архивах, всплыли уже после решения открыть охоту на Агирре прямо у него дома. Стоит ли вообще соваться дальше, забираясь в самое пекло и рискуя опалить хвост? Отрастёт, конечно, но всё же это единственная часть тела, которую Джеки может восстановить - а под неожиданный удар может попасть и нога, и голова, о чём напоминает корявый шрам на бедре. Нет уж, сперва стоит отправить готовый пакет данных заказчику - а его ещё нужно подготовить "на чистовик", - затребовав полный расчёт, а дальше уже посмотрим. Если от того не будет отклика десять дней - тен Майер сматывает удочки, оставив мальчику по имени Фокс шесть сувениров. Если тот, конечно, их отыщет.
